

Глава 22 (2). Он ведь мне очень нравится

—

На следующее утро Ду Хэн приготовил завтрак, но Цинь Сяомань так и не встал. Он оставил еду томиться в котелке, подождал еще некоторое время и наконец постучал в дверь комнаты Сяоманя.

Ответа не последовало. Дверь не была заперта на щеколду, и когда Ду Хэн вошел, он увидел, что гер всё еще лежит под одеялом. Ду Хэн невольно покачал головой: он впервые видел, чтобы этот парень так залежался.

— Сяомань, сначала встань и поешь, а потом поспишь еще.

Ду Хэн подошел ближе, собираясь подвязать полог кровати повыше. Утренний свет упал на кровать, и он увидел, что щеки Цинь Сяоманя неестественно покраснелись. Почувствовав неладное, он коснулся лба Сяоманя: ладонь Ду Хэна была теплой после возни у огня, но лоб Сяоманя всё равно обжигал руку.

Ду Хэн поспешно налил чашку воды и принес в комнату:

— Сяомань, Сяомань, проснись! Тебе плохо?

После нескольких легких встряхиваний Цинь Сяомань, хмурясь, открыл глаза. Тело было разбитым, голова раскалывалась от боли, в мыслях всё путалось. Увидев, что Ду Хэн поддерживает его за плечи, почти обнимая, и почувствовав едва уловимый запах мази, исходящий от него, Сяомань ощутил слабое облегчение.

Он хотел что-то сказать, но обнаружил, что голос охрип и слова не идут. К счастью, к пересохшим губам вовремя поднесли теплую воду. Когда вода смочила горло, он смог выдать:

— Кажется, мне нехорошо.

— У тебя жар. Выпей еще воды, а я сейчас же схожу за лекарем.

Цинь Сяомань послушно допил воду, и Ду Хэн осторожно уложил его обратно:

— Я скоро вернусь.

— Угу.

Ду Хэн поспешил за лекарем Цуем, который жил в начале деревни. После осмотра диагноз подтвердился - сильный жар.

— С чего бы это вдруг? У Сяоманя всегда было отменное здоровье, — удивился Ду Хэн.

Прошлой ночью он сидел подле него почти до полуночи, и тогда всё было в порядке. Видимо, лихорадка началась уже под утро.

— Должно быть, переохладился. В такую погоду жар - дело обычное, многие и похуже болеют, — сказал лекарь Цуй. — Я выпишу рецепт, лекарство нужно принимать вовремя. Как только жар спадет, всё наладится.

Ду Хэн кивнул, расплатился за визит и принялся заваривать травы. Он думал о том, что вчера, в туман и снег, Сяомань весь день провел в поездке к родне, а по возвращении жаловался на усталость – наверняка тогда и подхватил простуду.

Возможности медицины были ограничены, поэтому даже из-за обычной головной боли или простуды Ду Хэн нервничал: в это время болезнь слишком легко могла забрать жизнь. Пока варилось лекарство, он приготовил кашу, чтобы Сяомань сначала подкрепился, а потом выпил отвар.

Лекарство в чаше было черным и густым; даже Ду Хэну один только запах казался нестерпимо горьким. Но Цинь Сяомань, не капризничая, выпил всё до капли и снова лег. Он был слаб, и, глядя, как Ду Хэн хлопочет вокруг него, не мог даже пошевелиться. Позабыв о своей обычной энергии и бойкости, он лишь тихо утешал мужа:

— Всё хорошо, сейчас лекарство подействует, и мне станет легче.

С детства он болел редко и привык считать себя очень крепким. Теперь же, когда болезнь свалила его, он осознал, как слаб человек перед недугом.

Ду Хэн кивнул:

— Спи. Поспи еще после лекарства.

Сяомань прикрыл глаза, и, возможно, под действием трав действительно вскоре уснул. Сны были путаными: то ему снился отец, то уходящий Ду Хэн. Эти обрывочные видения мучили его.

Когда он снова очнулся, было уже непонятно, который час. Открыв глаза, он первым делом увидел Ду Хэна, сидящего за квадратным столом в комнате. Полог кровати делал его фигуру расплывчатой. Страх и тревога из снов мгновенно улетучились, сменившись чувством глубокого спокойствия.

Но, откинув край полога и увидев, как Ду Хэн, опустив глаза, сосредоточенно читает какую-то книгу, Сяомань вдруг снова нахмурился. У Ду Хэна было благородное лицо и изысканные манеры – ему подобало сидеть у окна на закате с книгой в руках и вести праздную жизнь богатого господина. А не быть деревенщиной, всю жизнь гнушим спину ради чашки риса.

Вся сумятица этих двух дней и тревога во время болезни вдруг в этот миг нашли ответ. Услышав шорох на кровати, Ду Хэн тут же отложил книгу и подошел:

— Проснулся?

— Угу.

Цинь Сяомань, опираясь на руки, приподнялся. Лекарство подействовало, тяжесть в теле ушла, хотя слабость всё еще давала о себе знать. Глядя на человека, который приложил руку к его лбу, проверяя температуру, Цинь Сяомань слабо улыбнулся и моргнул:

— Я выпил слишком много воды... Хочу в уборную.

— Хорошо.

Ду Хэн поспешно встал и помог Цинь Сяоманю подняться. На юноше было только нижнее белье, и так как он долго лежал под одеялом, от него всё еще веяло уютным теплом постели.

Боясь, как бы тот снова не переохладился, Ду Хэн обнял Цинь Сяоманя, укрывая его в кольце своих рук, и осторожно накиннул ему на плечи верхнюю одежду.

Цинь Сяомань прислонился к широкому плечу Ду Хэна и не шевелился. Они не впервые были так близки: раньше, когда Ду Хэн только лечил ногу, Сяомань часто поддерживал его и даже носил на спине, но тогда он сам, поддавшись порыву, навязывал свою близость. Теперь же, когда тот сам проявил такую нежность, Сяоманю казалось, будто он видит сон.

Цинь Сяомань хранил молчание. Он не знал, то ли это подтверждалась поговорка «плачущему ребенку больше молока достается», то ли Ду Хэн просто решил относиться к нему лучше перед самым уходом. Он понимал, что сильно занемог лишь потому, что вчера переохладился, а ночью извел себя лишними тревогами и думами. Теперь же жар спал, и на душе стало куда яснее и спокойнее.

Снаружи всё еще было светло. Он положил ладонь на тыльную сторону руки Ду Хэна. Почувствовав тепло его кожи, Ду Хэн невольно посмотрел на руку Цинь Сяоманя – после сильного жара она была чуть влажной от пота. Это прикосновение отозвалось в его сердце легкой рябью, всколыхнувшей саму душу. Видя, как Цинь Сяомань проболел эти два дня, он и сам всё это время прожил в постоянном страхе.

— Мне кажется, мне уже лучше, — сказал Цинь Сяомань. — Даже аппетит проснулся.

Ду Хэн тут же спросил:

— Чего бы тебе хотелось? Я всё приготовлю.

Цинь Сяомань, склонив голову, посмотрел на Ду Хэна:

— Я хочу вонтонов. Ты умеешь их готовить? Те самые, где тонкое тесто оборачивают вокруг мясной начинки и варят. Когда я был маленьким и мы ездили в уезд, маленький папа покупал мне их в лавке у дороги. Пока я болел эти два дня, мне всё время снился отец.

Ду Хэн с сочувствием погладил мягкие волосы Цинь Сяоманя:

— Что же в этом трудного? Я приготовлю их для тебя чуть позже. Сделаю самую большую начинку, они точно будут вкуснее, чем в уезде.

Но Цинь Сяомань покачал головой:

— Не к спеху. Сейчас у меня совсем нет сил, много не съем. К тому же дома нет ни свежего мяса, ни муки. Послезавтра как раз день поездки в уезд, купишь всё необходимое, хорошо?

Сказав это, он взглянул на Ду Хэна. Увидев, как на лице того расцвела теплая улыбка, он и сам прищурился, ответив слабой улыбкой. Цинь Сяомань думал, что Ду Хэн порой бывает простоват: не дай он ему повода поехать в уезд, тот, возможно, и не нашел бы подходящего предложения. Пришлось самому всё придумывать. Как такому человеку устроить свою жизнь?

Впрочем, к счастью, он был из хорошей семьи, из купеческого рода, и с самого рождения не знал нужды в еде и одежде. И пусть сейчас его дом пришел в упадок, у него нашелся богатый дядя, который проделал путь в тысячи ли, чтобы забрать его. Оставшаяся часть его жизни наверняка будет гладкой. Да, будь то учеба или торговля – в конечном счете ему не придется переживать из-за отсутствия соли в овощах или гадать, когда на столе снова появится мясо.

— Хорошо, я приготовлю тебе вонтоны с начинкой из свинины и зеленого лука.

Цинь Сяомань поджал губы и, храня молчание, ушел в уборную.

Прошло два дня. Рано утром Ду Хэн встал, собираясь в город за мукой и свежим мясом. Пока он одевался в комнате, из кухни донеслись звуки. Приведя себя в порядок и заглянув туда, он обнаружил, что Цинь Сяомань уже приготовил завтрак. Последние два дня Ду Хэн не позволял Цинь Сяоманю ничего делать. Вероятно, из-за тяжелой болезни и холодов Цинь Сяомань и сам не рвался на улицу, так что оба они сидели дома.

— Почему ты встал так рано, да еще и завтрак приготовил? — Ду Хэн увидел, как Цинь Сяомань выставил на стол небольшую миску с нежным яичным кремом, посыпанным сверху обжаренным мясным фаршем. — Что сегодня за день, раз у нас такая роскошная трапеза?

Цинь Сяомань улыбнулся:

— Некоторое время назад наседка высиживала цыплят, а теперь наконец снова начала нестись. Я ведь тоже немного поучился кулинарии у тебя, вот решил сегодня утром испытать свои силы. Я бездельничал дома два дня. Пока ты будешь в уезде, я тоже схожу в горы. Всё это время шел снег, не знаю, сильно ли пострадали деревья, надо проверить.

Услышав это, Ду Хэн заволновался:

— Погода только начала налаживаться. Самые холода наступают не когда снег идет, а когда он начинает таять. Ты только поправился, еще слаб. В горах холоднее, чем в деревне, как бы снова не подхватить простуду.

— Мое здоровье в полном порядке! К тому же, наученный прошлым опытом, неужели я не догадаюсь надеть лишнюю одежду? — Цинь Сяомань вернулся к своему обычному виду и весело добавил: — И вообще, я не вижу в простуде ничего плохого, ведь ты так заботаешься обо мне.

Ду Хэн рассмеялся, принимая миску с яичным кремом. Ему казалось, что Цинь Сяомань вел себя странно последние несколько дней, но, увидев его прежний задор, он подсознательно почувствовал облегчение:

— Глупости говоришь. Кто же станет специально хотеть заболеть только ради чужой заботы?

Даже если бы тот не болел, он всё равно бы ухаживал за ним со всем старанием. Они вместе съели яичный крем на кухне. Ду Хэн даже похвалил мастерство Сяоманя, заметив, что нежный желтый крем получился идеальным и не переварился.

— Я вернусь к обеду, так что не задерживайся в горах надолго, — Ду Хэн надел на спину маленькую плетеную корзину из тонкого бамбука, с которой обычно ходил в город. — Приходи пораньше, я научу тебя лепить вонтоны.

— Хорошо.

Цинь Сяомань стоял у порога дома, глядя, как Ду Хэн выходит со двора и шаг за шагом удаляется. Он знал, что этот уход — навсегда, и Ду Хэн больше не вернется. Но даже при этом такие слова заставляли его чувствовать умиротворение. Он сделал два шага вперед, и в каждом его движении сквозила тоска, но каменная ограда дома преградила ему путь. Ему оставалось лишь смотреть, как стройная фигура уходит всё дальше и дальше.

В конце концов он так и не проронил ни слова.

Цинь Сяомань вернулся в дом, совершенно потерянный. Глядя на комнаты, он поймал себя на мысли, что его жилище еще никогда не казалось ему таким пустым и тихим. Бывали времена, когда он чувствовал пустоту – пожалуй, тогда, после похорон отца, когда гости разошлись и он остался один на один с четырьмя стенами. Цинь Сяомань думал, что уже вырос и больше не будет считать ночи темными и бесконечными, но теперь он ощутил, что даже день может быть столь же одиноким.

Бесцельно бродя по дому, он зашел в комнату, где Ду Хэн прожил больше двух месяцев. Там было чисто прибрано, одеяло аккуратно сложено. Окно было распахнуто, и свет падал прямо на шкаф. Цинь Сяомань подошел ближе и выдвинул ящик.

Глядя на пустой ящик, он невольно выпустил воздух, который до этого задерживал в груди.

Он всегда знал, что деньги Ду Хэна лежат именно в этом ящике. Ду Хэн настолько доверял ему, что не боялся кражи и не думал, что Сяомань станет намеренно рыться в его вещах; и Сяомань действительно никогда не пересчитывал, сколько тот успел скопить.

И вот теперь он не взял с собой ничего, кроме этих заработанных денег.

Цинь Сяомань был в оцепенении; казалось, последняя искра надежды, за которую он цеплялся, окончательно угасла. Со стеклянным взглядом он вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь, решив, что на днях обязательно купит в городе замок и запрет её.

— Сяомань, ты куда это собрался?

— Давно тебя не видели. А где же тот, что у тебя живет? Слышали, нога его зажила, ходить может. Что ж он тебя одного отпускает, почему в работе не помогает?

Цинь Сяомань с серпом в руках и корзиной за спиной направлялся к горе. Погода стояла ясная уже два дня, снег на полях почти сошел, и деревенские один за другим выходили перепахивать землю, готовясь к весеннему севу.

Он не ожидал встретить у подножия горы Чжао Ци, с которым не виделся приличное время. Разговоров о Ду Хэне Сяомань избегал:

— Пару дней назад слег с жаром. Сейчас полегчало, решил в горы сходить, осмотреться.

— С тобой точно всё хорошо? Как же этот парень за тобой присматривал, что ты так простудился?

Цинь Сяоманю было тошно на душе:

— Да замолчишь ты или нет? Что, матушка твоя уже сосватала тебе невесту, раз у тебя время появилось без дела шататься?

— Я того не желал, ты же знаешь нрав моей матери...

Вид нерешительного и мямлящего Чжао Ци раздражал Сяоманя до крайности. Он нетерпеливо махнул рукой:

— Ухожу я, ухожу.

— Сяомань!

Чжао Ци хотел было броситься вдогонку, но внезапно его остановил чей-то окрик сзади:

— Ци-цзы, ты куда? Не смей!

По дороге шла женщина. Она мертвой хваткой вцепилась в Чжао Ци:

— Ишь какой сердобольный нашелся, ко всякому встречному лезет. Некоторым бесстыжим не мешало бы держаться подальше. Кого попало в дом ведут, невесть что за отребье, а ты и рад. Я тебе так скажу: лучше в дом вдову взять, чем такого распутника.

Цинь Сяомань не стал обращать внимания на эти колкости и лишь ускорил шаг. Мать Чжао Ци, женщина острая на язык, даже слегка удивилась: в прежние времена этот гер уже вцепился бы ей в глотку, а сегодня промолчал.

Увлекая сына за собой, она продолжала:

— Вот посмотри! Раньше зубастый был, а теперь, видать, правду люди говорят, раз и возразить нечего. Свадьба с семьей Чжэн уже слажена, держись от этого Цинь Сяоманя подальше. Не хватало еще, чтобы над нами люди смеялись. Его-то совесть не мучает, а если свадьбу с семьей Чжэн расстроит - беде быть.

Чжао Ци с тревогой смотрел вслед уходящему Сяоманю, но перечить матери не смел, выражая свой протест лишь угрюмым молчанием.

В горах было значительно холоднее, чем внизу. В низинах и оврагах всё еще лежал плотный слой снега. В лесу казалось, будто идет дождь - снег постоянно осыпался с веток и листьев, наполняя чашу непрекращающимся шорохом.

Цинь Сяомань поправил соломенную шляпу. Глядя на сломанные под тяжестью снега ветви, хаотично разбросанные по земле, он понимал, что должен взяться за серп, нарубить дров и сложить их сохнуть, чтобы летом забрать домой. Но он стоял среди деревьев, и силы будто покинули его. У него не было желания шевелиться.

Он изо всех сил пытался взбодриться, но всё выходило наперекор. Чем больше он старался не думать о Ду Хэне, тем навязчивее были мысли.

Добрался ли Ду Хэн до уезда? Встретился ли с дядей? Должно быть, он уже сидит в повозке торгового каравана и едет в сторону богатой и процветающей провинции Хуэйчжоу, о которой Сяомань только слышал. Кем он станет - ученым-сюцаем, сдающим экзамены, или будет управлять лавками?

Слышал он от Чжу-цзы, что тот пишет красиво, и новогодние картинки его людям нравятся. Сам Сяомань знал, что и готовит он мастерски. Наверняка, за что бы он ни взялся, добьется успеха.

Ради этого Сяомань и готов был его отпустить. Он и сам удивлялся себе. С детства он был властным: если ему что-то нравилось, он любыми путями старался это заполучить, но узнав, что родные Ду Хэна ищут его, Сяомань подсознательно решил помочь ему уйти. Впервые в жизни он не хотел обладать.

При этой мысли Сяомань почувствовал некое утешение, и уголки его губ дрогнули в подобии

улыбки. Но стоило ему представить, что такой замечательный Ду Хэн в будущем женится на какой-нибудь городской барышне или возьмет в фуланы благородного гера из ученой семьи... от этой мысли ему становилось трудно дышать.

Это было странно. Когда он узнал, что семья Чжао не примет его, он лишь кипел от гнева и хотел доказать им свою правоту, не боясь позора и ругаясь с матерью Чжао Ци, уперев руки в бока. Сейчас же, когда Ду Хэн ушел, он не кричал и не скандалил. В душе не было ни обиды, ни злости. Ему просто было... бесконечно грустно.

Он был еще молод и не понимал, почему так происходит. В конце концов он списал всё на то, что Ду Хэна он, скорее всего, больше никогда не увидит, а Чжао Ци – вот он, в той же деревне, постоянно на виду.

Поняв, что работать он не в силах, а на гору пришел лишь ради побега от реальности, Сяомань провел там еще немного времени. Глядя на вековые деревья, по которым трудно было определить час, он с застывшим сердцем и пустыми руками собрался в обратный путь.

Горная тропа была скользкой. Он наступил в жидкую грязь, поскользнулся и упал на мокрые от снега черные камни, дважды перевернувшись, пока не застрял в неглубокой придорожной канаве.

Лежа лицом к земле, он почувствовал резкую боль в колене, но разве могла эта боль сравниться с той, что терзала его сердце? Слово найдя выход для своих чувств, Цинь Сяомань не стал подниматься. Прижавшись к земле, он вдруг сорвался на громкий плач.

— Сяо... Сяомань!

Ду Хэн, отправившийся в горы на поиски, подобрал у поворота тропы соломенную шляпу. Она была точь-в-точь как их домашняя. Сердце его сжалось от страха, и он бросился вверх по тропе.

Увидев лежащего на земле и горько рыдающего человека, Ду Хэн так испугался, что у него задрожали руки. В лесу было полно острых веток и камней — если он так упал и так сильно плачет, значит, точно поранился.

Ду Хэн порывисто шагнул вперед и, осторожно обхватив гера за талию, помог ему подняться с земли.

Увидев, что лицо Сяоманя лишь испачкано в грязи, но глубоких царапин нет, он облегченно выдохнул, однако рук, обнимающих Цинь Сяоманя, так и не разжал.

Услышав знакомый голос, Цинь Сяомань сперва подумал, что это видение, но когда его по-настоящему потянули вверх, он убедился: Ду Хэн действительно здесь.

Он мгновенно перестал рыдать и недоверчиво уставился на Ду Хэна:

— Ты... как ты здесь оказался?

— Я видел, что тебя долго нет, вот и пошел искать, — Ду Хэн поднял руку и краем рукава вытер грязь с лица «чумазого котенка». — Я ведь просил тебя вернуться пораньше.

Цинь Сяомань, не обращая внимания на свой жалкий вид, не сводил глаз с мужа:

— Ты разве не уехал?

— Даже если уехал, я должен был вернуться.

— Я имею в виду - уехал с дядей в Хуэйчжоу.

Ду Хэн замер, его брови сурово сошлись на переносице:

— Откуда ты знаешь, что дядя приезжал?

Цинь Сяомань на мгновение замолк:

— В тот день, когда он пришел в деревню искать тебя, я случайно его встретил.

Тут Ду Хэна осенило. В тот день ему и впрямь показалось, что кто-то был рядом, но он и подумать не мог, что Сяомань всё подслушает. Видимо, поняв лишь половину услышанного, тот решил, что Ду Хэн собирается покинуть его.

Неудивительно, что последние дни он вел себя так странно - оказывается, всё это время он носил такую тяжесть на сердце.

Ду Хэн внезапно спросил:

— А ты... ты хотел, чтобы я ушел?

—

<http://bllate.org/book/14888/1343830>